

Меня нельзя ниоткуда уволить — это большое удобство

По понятным причинам Никите Владимировича Богословского многие недолюбливают. Я бы даже сказал, опасаются. Ну, кому охота оказаться на кинжальчике его эпиграммы, или обнаружить себя со всей очевидностью под прозрачным псевдонимом в его повести «Интересное кино», или «засветиться» в плутовском романе «Завещание Глинки», который буквально на днях появится на прилавках магазинов, или «прославиться» в его знаменитых розыгрышах? Никита Владимирович у нас, конечно, «Насмешник № 1».

Но даже его «жертвы», как принято писать, «вынуждены сквозь зубы признать», что исполняется все это чертовски остроумно. И весело.

Я тоже человек не тоскливый, но, к сожалению, не отношусь к фантазерам и выдумщикам. И поэтому всегда не скрывал зависти к неумному, жизнерадостному Никите Владимировичу. Точнее сказать, завидовал — почему он такой, а я не такой? Вот с этим вопросом к нему и пришел.

— Никита Владимирович, давайте выкладывайте — почему вы такой, а я не такой!

— Потому что у вас не было дедушки — камергера Двора Его Императорского Величества.

— Мы, плебеи, — люди непотлявые.

— Объясню! Михаил Федорович Поземковский, мой дед, был очень веселый камергер по министерству просвещения. Семья говорит, что я пошел в него. Совершенно не могу себе представить шутки при дворе весьма постного Николая II.

— Это примерно, как вы при дворе Константина Устиновича Черненко.

— Не надо о кошмарах! К тому же в отличие от меня дед был ярый монархист. Он умер за три дня до Февральской революции. Бабушка говорила, что это к лучшему, поскольку дед не перенес бы даже Февральской революции. Ну и все последующее.

— А как вы перенесли «все последующее»?

— Меня спасало чувство иронии. И к тому же у меня никогда не было начальства, меня нельзя было ниоткуда уволить. Это, согласитесь, большое удобство.

А еще меня спасало то, что мне интересно жить. Хотя любопытного вокруг становится все меньше и меньше.

— У меня самый главный вопрос — а вас-то когда-нибудь кто-нибудь сподобился крепко разыграть?

— Только один раз. Я написал музыку к спектаклю по пьесе Исидора Штока. А в ней был ужасно отрицательный персонаж. Фамилии не помню. Скажем, Федор Иванович Сидоров. Я написал Штоку возмущенное письмо от имени некоего Федора Ивановича Сидорова, который обиделся и требует переменить персонажу имя и фамилию. И бедный Шток прислал испуганное письмо с извинениями и клятвенными обещаниями исправить персонажу фамилию. Вы, пред-

ставляете, как я сардонически хохотал?

И друзья хохотали. Но, оказалось, не вместе со мною. Они все знали, что если прочесть первые буквы в строках этого письма, то получится очень не лестная оценка моих умственных способностей.

— Я опять не понял.

— Отправляя Штоку письмо, я на конверте машинально написал своей собственной обратный адрес.

— Ну, так оплошать!

— Шток меня покарал за все мои розыгрыши. Тем более что разыгрывал я только близких друзей. Наиболее ласковой жертвой был Борис Савельевич Ласкин. Уму непостижимо, но этот сатирик в жизни был доверчивым и наивным человеком. А я злодейски этим пользовался.

— Вы веселый или остроумный!

— Я и то, и другое, только не очень умный, а просто образованный. Я образовывался в те годы, когда слова «образованщина» еще не было. Впрочем, это какие-то странные познания. Как говаривал Юрий Карлович Олеша, «он знает все, но неточно». Вот я из этой категории.

— Может ли остроумный человек быть скучным?

— Даже мрачным! Можете поверить моему опыту дружбы с Зошенко и Эрдманом. Утесов говорил, что и Аверченко был довольно мрачноватым, а то и нудным.

Но, поверьте мне, даже когда они молчали, было видно, что это очень умные люди. А мне вот приходится много говорить, чтобы подумали, что я тоже очень умный. Впрочем, рядом с Зошенко даже эти усилия мне не помогали.

— Пример клинического отсутствия чувства юмора!

— И не напоминайте! Расскажите анекдот, а на тебя смотрят понимающим взглядом и говорят: «И что дальше?» То есть именно ты при этом выглядишь полным идиотом.

— Ваш самый любимый розыгрыш!

— Мы с композитором Сигизмундом Кацем выступали на двух разных площадках и

в разных отделениях. А в антракте менялись площадками. Я выхожу и говорю: «Здравствуйте, я композитор Сигизмунд Кац! Сейчас я вам покажу несколько своих песен». Сажусь за рояль и исполняю хорошо известный мне репертуар Каца. После чего уезжаю.

Приезжает Кац. Выходит во втором отделении на сцену и говорит: «Здравствуйте, я композитор Сигизмунд Кац! Сейчас я вам покажу несколько моих песен». И исполняет все, что я только что сыграл. Вы представляете, что было в зрительном зале?!

Меня на три месяца исключили из Союза композиторов. Впрочем, меня трижды оттуда исключали.

— Ваша любимая шутка (собственная)?

— Любимая — это всегда последняя. Потом она перестает быть любимой. Ну, например, название улицы — «Большая Берцовая». Или: «Если нельзя, но очень хочется, то все-таки нельзя».

— Самый остроумный человек в вашей жизни!

— Пожалуй, Сигизмунд Кац. Знаете, остроумные люди остроумие не мечут зря. Сигизмунд был точен и умен. Ну, например: «Когда умрет диктор Левитан, у него вырежут горло и отдадут его в Институт мозга».

— Ваша любимая песня (своя)?

— Любимые — как раз не самые знаменитые. Поверьте, «Темную ночь» я уже давно слышать не могу. А вот очень люблю две песни, написанные специально для Сергея Яковлевича Лемешева, — «Аленушка» и «Звезда моих полей».

— А любимая песня (не своя)?

— Ну почему не я написал «Подмосковные вечера»? Правда, их уже давно стали петь вместо «Шумел камыш, деревья гнулись».

— Кому вы завидуете?

— А кому завидовать? Я вниманием не обойден. Обо мне было даже постановление ЦК КПСС о кинофильме «Большая жизнь». Оказалось, что я там написал «проникнутые кабац-

кой меланхолией, чуждые советскому человеку песни». Это были «Спят курганы темные» и «Три года ты мне снилась».

— А кому вы не завидуете?

— Многим.

— Азартный ли вы человек?

Играете ли в азартные игры?

— В азарте я вижу и нелепое, и смешное.. Немного играю в покер. Понятия не имею о шахматах. Даже первый ход в шахматной партии узнал из романа Ильфа и Петрова.

— Как вы относитесь к проигрышу?

— С чувством легкой досады, но более — ну что же, я в дурачках остался! Впрочем, сам виноват. И обожаю, когда выигравший у меня подносит стопаря.

— Украшают ли звания творца?

— Если он их не украшает, то уж они его не украсят.

— Вы — член четырех творческих союзов. В какой союз вы еще не вступили?

— Вы имеете в виду, в какой творческий союз я не плачу взносы? Это ведь единственная привилегия. Даже благами Музфонда последний раз пользовался в 1953 году.

— Почему вы перестали писать музыку?

— Для исполнения симфонической музыки у нас мало оркестров, да и любителей ее мало. Песни не пишу, потому что почти не осталось кому их исполнять. А к рок-жанру я отношусь с уважением, но не знаю, как это делается. А переставать поздно. Вот и получилось, что переключился на литературу и журналистику.

Впрочем, недавно написал 8-ю симфонию.

— Как мог такой веселый человек не написать музыку для детей?

— К величайшему моему огорчению, я не умею писать для детей. Видимо, так до их очаровательного восприятия и не дорос. Вы спрашивали, кому я завидую? Я очень завидую композиторам, которые умеют писать для детей.

— Вы — типичный горожанин. Совершенно не представляю вас на природе.

— Стыдно признаться, но я далек от природы. Иной раз вытащат меня друзья на дачу. Так у меня одна задумка: поесть, выпить, часок поспать и быстренько обратно в город, на асфальт.

Впрочем, моя 4-я симфония называется «Пасторальная». Видимо, в порядке извинения.

— В какой мере вам смешно все, что сейчас происходит на парламентском и внепарламентском уровне!

— Чего уж тут смешного! От парламента меня спасает ирония. Я бы даже сказал, злая ирония.

А что касается «внепарламентского».. У меня это вызывает печаль, смешанную с растерянностью.

— Позвольте вопрос политического свойства. Ваши занятия до октября 1917 года?

— Дитя!

Беседу вел Эдуард ГРАФОВ.

● Дружеский шарж А. Орлова.

Никита Богословский

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ШЛЯПЫ

Если литературный герой прижимается горячим лбом к холодному стеклу, то автор не должен забывать, что от разницы температур стекло может лопнуть.

Я в Барвиху тебя приглашу, А на Болшево ты не рассчитывай.

Наши монеты — это металлические «деревянные».

Если посуда не сдается — ее уничтожают.

«Область величиной со взятые вместе Франция, Италией и Бельгией». А может, эти стра-

ны вовсе не хотят, чтобы их брали вместе.

— В гробу я его видал! — раздраженно сказал турист, выходя из Мавзолея.

Седина в бороду — собес в ребро.

Как жаль, что эта песенка Омоном не запрошена: «Еще не вся «черемуха» В твоё окошко брошена».

О покойниках либо хорошо, либо плохо.

Один «совон» пошел в «омон» И лучше выдумать не мог.